

<...> Мы вернулись в гостиницу около полуночи. Мы начали этот субботний день с незадавшегося по нашей вине утра и кончили его торжественной встречей в кафе и поэтической вечеринкой у самого популярного поэта России. “Да, кутили мы до посинения или нет — до покраснения”, — пошутил Фрост, кинув шляпу на стул в прихожей своего номера-люкс, бледный и очень уставший. Он не мог выбросить из головы Евтушенко с его политическими воззрениями, и мы говорили еще примерно час о “поэте” и “толпе”, о связи поэта с аудиторией и его ответственности перед страной. Фрост в который раз рассуждал об идейной направленности поэзии, об искусстве как проводнике взаимопонимания, а, следовательно, глубоко нравственном явлении, хотя он не употреблял таких слов. Он не переставал спрашивать, как Евтушенко может всерьез думать, что поэзия и революция близки по духу. Он в шутливом ключе говорил о различиях между Россией и Америкой, о своем кредо и своих стереотипах мышления и поведения. И наконец, уже собираясь идти спать, он спросил с язвительной ноткой в голосе: “Интересно, у них здесь нормальное воскресенье, мы сможем отдохнуть?” — и потом засмеялся.

* Продолжение в книге «ПЕРЕВОДЫ» ч.2.2

